

Интервью с Ириной Наумовной ТАРТАКОВСКОЙ

«Я ВДРУГ ОЩУТИЛА, ЧТО КАК БЫ ПОПАЛА ИЗ МИРА НЕОБХОДИМОСТИ В МИР СВОБОДЫ»

Тартаковская И. Н. – окончила исторический факультет Самарского государственного университета, старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат социологических наук. Основные области исследования: гендерная социология, экономическая социология, memory studies. Интервью состоялось в 2014 г.

Беседа с Ириной Тартаковской пролетела моментально: начали в последний день мая, а закончили самом начале августа. Когда я задумался о вопросе, с которого можно было бы начать нашу беседу, я не знал ничего о ее жизни, ее научных интересах, ее работе. Но именно в тот момент я вдруг вспомнил, что очень давно и недолго был знаком с ее отцом. И для меня многое упростилось...

Часто, когда задаешь коллеге вопрос, примерно представляешь его ответ, и это помогает видеть, предполагать, как интервью будет развиваться. В данном случае таких «отгадок» было мало. Почему? Во-первых, траектория жизни Ирины часто продолжалась не по одному из двух альтернативных путей, а вдруг «уходила» в неожиданное «третье» направление. Во-вторых, я только недавно начал изучать представителей пятого поколения советских/российских социологов (родившихся интервале 1959-1970 гг.), и многое в их жизни мне плохо знакомо. И я благодарен Ирине за то, что она многое прояснила мне и в своей жизни и в том, что происходит, не во всем этом поколении социологов, но в некоторой его значительной части.

И как нечто светлое, оптимистическое я воспринимаю завершение нашей беседы, Ирина привела одну из притч Геннадия Батыгина: «Когда подходит конец света, некоторые пускаются во все тяжкие. Другие плачут и молятся. Третьи осыпают врагов проклятиями... Но есть и те, кто продолжает работать. Когда находят такие, конец света не наступает». Ирина прокомментировала эти слова: «Мне очень хочется в это верить...». И мне тоже.

Тартаковская И. Н. : «Я вдруг ощутила, что как бы попала из мира необходимости в мир свободы»

Ира, как интересно сложилось... оказывается, в постперестроечные годы я был немного знаком с вашим отцом, Наумом Михайловичем Тартаковским... мы встречались в Ленинграде в Институте социально-экономических проблем АН СССР и в Куйбышеве, была какая-то конференция. Это везение для исторического исследования; в моей коллекции интервью есть беседы с В. А. Ядовым и его сыном Н. В. Ядовым, с А. Г. Здравомысловым и его дочерью Е. А. Здравомысловой. Только что завершилось интервью с А. Ф. Филипповым, он рассказал об отце Ф. Р. Филиппове. Пожалуйста, постарайтесь как можно обстоятельнее рассказать об отце... о его семье, о том, какие пути привели его в социологию, в каких областях, направлениях социологии он работал... все это крайне ценно для понимания прошлого и настоящего нашей науки.

Мой папа родился в Житомире в 1924 году, в семье служащих, как тогда принято было обозначать эту социальную группу. Был единственным ребенком в семье. В начале войны его семью, слава Б-гу, эвакуировали в Куйбышев. Дедушка по каким-то причинам не воевал – кажется, у него нашли туберкулез, он работал на оборонном заводе. Там же начал трудовой путь и мой отец, лет в 16. Я мало знаю о его детстве, он об этом периоде жизни особенно не рассказывал. После войны он поступил было в политехнический институт, но у него не очень получалось чертить: он был от природы левша, да и вообще не очень склонен был к техническим наукам. Поэтому после первого курса он перешел в педагогический институт, на исторический факультет.

Дедушка мой, Мануил Израилевич Тартаковский, в Самаре очень долго проработал в тресте «Спецстрой», занимавшимся проводкой коммуникаций, и дослужился там до относительно высокой позиции, хотя не имел высшего образования. Бабушка, Софья Соломоновна, работала бухгалтером.

Насколько я понимаю, папа в молодости вел светский образ жизни: у него было много друзей, веселые компании. Он всю жизнь был не просто очень общительным человеком, но прекрасным коммуникатором, в этом отношении мне до него далеко: перед ним буквально открывались все двери, на чистом обаянии... Я, например, не раз просила его купить мне билет на поезд, когда уже была студенткой: билеты в советское время были дефицитом, но он всегда мог «уболтать» кассирш, и ради него они снимали бронь... Он легко находил общий язык с людьми самых разных социальных слоев: среди его друзей, например, было много летчиков, так исторически сложилось, были, конечно, коллеги-преподаватели, но посидеть-выпить он вполне мог и с пролетариями, если имел с ними какие-то общие интересы типа ремонта квартиры... Пользовался также большим успехом у женщин любого возраста, включая моих подружек. Интересно, кстати, что друзья его юности до самого конца называли его не Наум, а Жора – это было его как бы имя для молодежных компаний, видимо, звучало более гламурно...

После пединститута, возможно, это было конец 40-х, он очень недолго проработал по распределению в деревенской школе (я даже не очень уверена здесь в своей памяти), но потом вернулся в Куйбышев и устроился учителем в вечер-

нюю школу — ему всегда было интереснее работать со взрослыми. Но просто так работать учителем было не для его темперамента, и он со временем поступил в аспиранту по педагогике в Ленинграде — сначала в заочную, а потом перевелся в очную. Его научным руководителем была профессор Диана Александровна Тонконогая, к сожалению, я не была с ней знакома (хотя физически в это время я уже существовала, и мы даже ездили с мамой в гости в Питер к отцу, когда он жил в аспирантском общежитии). Надо сказать, что с тех самых пор отец очень сильно ориентировался на Петербург и на петербургских ученых, именно там для него всегда был «гамбургский счет»...

Далее, скорее всего, в 1971 году, он защитил кандидатскую диссертацию по педагогике, она называлась «Формирование нравственных понятий у учащихся вечерней школы».

Моя мама, Людмила Николаевна Тартаковская, в девичестве Комиссарова, была второй женой отца, с первой он развелся. В первом браке у него был сын Александр, который потом стал военным. Я — единственный ребенок от его второго брака. Мама была инженер-нефтяник, и всю жизнь проработала в Самаре в Институте «Гипростокнефть» в лаборатории химии нефти, пока не вышла на пенсию.

... а Вы не знаете историю происхождения девичьей фамилии Вашей мамы — Комиссарова? В ней явно виден «дух времени»..

Вот чего не знаю, того не знаю. Мой дедушка Николай Максимович Комиссаров, отец матери, был профессиональным военным, в отставку вышел полковником. Но я о нем знаю совсем мало, во-первых, потому, что он умер в год моего рождения, а во-вторых, потому что с войны он к бабушке не вернулся — встретил где-то другую женщину, с которой и прожил всю оставшуюся жизнь, так и не оформив при этом развод. Происхождения его фамилии я поэтому не знаю, бабушка не очень охотно о нем рассказывала по понятным причинам. Знаю только, что он вроде бы был из Старой Руссы, из семьи квалифицированного рабочего. А про фамилию она ничего не говорила.

Извините, Ира, пожалуйста, продолжите Ваш рассказ об отце...

Отец был всегда заинтересован не столько в линейной карьере, сколько в каких-то изменениях, в новых вещах. Насколько я помню, он еще до защиты устроился преподавателем в политехнический институт — сначала, кажется, очень недолго проработал на кафедре истории КПСС. Конечно, он был членом КПСС, иначе на «общественную кафедру» было не устроиться, и потом перешел на кафедру философии, с которой и была связана практически вся его карьера. Свои последние занятия на этой кафедре он провел всего за три дня до смерти...

Ключевую роль в его дальнейшей профессиональной жизни сыграл тот факт, что этой самой кафедрой философии тогда заведовал ныне здравствующий Евгений Фомич Молевич — тогда молодой и блестящий общественвед, очень известный человек в нашем городе. При этой же кафедре, под руководством Е. Ф. Молевича, была создана в 1973 году первая не только в Куйбышеве, но и в Поволжье, социологическая лаборатория. Дату, опять же, так сразу не назову, но если нужно — мне есть у кого уточнить. В этой лаборатории, помимо отца, который сочетал научную деятельность с преподаванием, работали такие

известные сейчас ученые, как Будимир Гвидонович Тукумцев, Анна Семеновна Готлиб, и другие. Отца, я думаю, социология заинтересовала как всякое новое, интересное дело... Лаборатория занималась, насколько мне известно, в основном исследованиями в области социология труда, как и все подобные лаборатории: не то, чтобы это был самый увлекательный сюжет для всех социологов, но такие лаборатории получали внешнее финансирование в виде заказов, а источником таких заказов тогда были почти исключительно промышленные предприятия. В каковых в закрытом оборонном городе Куйбышеве недостатка не было...

В 1969 году в Куйбышеве был воссоздан университет, недолго просуществовавший там когда-то в послереволюционные годы. Практически сразу же Е. Ф.Молевич получил предложение возглавить там кафедру и открыть при ней социологическую лабораторию. Большинство сотрудников, включая Б. Г.Тукумцева, А. С.Готлиб, О. К.Самарцеву и других, перешли с ним в университет. Почему этого не сделал отец — я не знаю, то ли ему не предложили, то ли сам не захотел. Возможно, главную роль сыграло то, что он не был только работником НИС, как большинство других, но и работал еще доцентом на кафедре философии, и ему нравилась эта кафедра... Не знаю, мы никогда об этом не говорили. Но после «исхода» значительной части сотрудников во главе с руководителем, структура, оставшаяся в политехническом институте, «по наследству», досталась ему. И он руководил ей, опять-таки, до самой своей смерти.

Я не так уж хорошо знаю, чем именно они там занимались, то есть не до деталей — хотя я и унаследовала от отца профессию, профессионально мы, как ни странно, очень мало пересекались — я всегда хотела быть самостоятельной. Но насколько я помню, они продолжали делать исследования на разных промышленных предприятиях, плюс разные проекты в области социологии образования, которые, собственно говоря, и интересовали отца, потому что с методологией образования была связана и его диссертационная работа, к которой он серьезно относился. Потом, уже в 1990-е, он участвовал как исполнитель в нескольких проектах всероссийского значения, но я, опять-таки, не очень помню деталей. Более всего его интересовала тема профессиональной ориентации, прогноза потребности в кадрах — такого рода вещи. В 1990-е все социологи в провинции жили одинаково: выживали, искали любые заказы, включая самые что ни на есть коммерческие, типа маркетинга. Этим же занималась и лаборатория отца. Основными научными сотрудниками там были Татьяна Петина и Татьяна Андреева. Это были профессиональные дамы, но не имевшие особых амбиций, так что особого потенциала развития там, по-моему, не было. Заказы приносил отец, пользуясь своими многочисленными связями, которые потихоньку истощались... Тем не менее, лаборатория в политехническом институте, который в 1990-е, естественно, переименовали в технический университет, продолжала существовать, но, видимо, уже чисто на его авторитете. Сужу по тому, что ее закрыли практически сразу после его смерти.

Отец не был по своему складу серьезным ученым, создающим тренды... Скорее, он был грамотным, увлеченным практиком. Наука социология занимала в его жизни свое определенное место наряду с преподаванием, общением, другими сторонами жизни... У него был при этом ясный, ироничный ум, хорошие способности к генерализациям. Но он не стремился, например, написать докторскую диссертацию или монографию — скорее, ему важно было, чтобы

ему было интересно, и чтобы в его жизни была некоторая гармония между профессиональной и непрофессиональной сферами — в тех терминах, в которых он сам ее понимал.

Умер он внезапно, буквально за три дня — тромб закупорил жизненно важную артерию. Еще в понедельник он проводил занятия, а в воскресенье мы его похоронили... Это случилось 22 сентября 2001 г., практически сразу после известных событий 11 сентября. Поэтому можно сказать, что он ушел вместе со своей эпохой, с XX веком.

Если можно, опишите социальную, политическую, культурную атмосферу Куйбышева в 60-первой половине 80-х годов, когда проходила первичная социализация и ранняя молодость... похоже, что «голодный», но очень интеллигентный город... так?

Ну, про 60-е я по объективным причинам мало что могу сказать. Мое сознательное восприятие социальной жизни начинается все-таки где-то со второй половины 1970-х. Был ли Куйбышев голодным, но интеллигентным городом? Голодным уж точно был. В силу каких-то причин, снабжение горожан продуктами первой необходимости было в Куйбышеве просто отвратительным, из больших советских городов — а это был уже в те годы город-миллионник — наверное, одним из худших. Добывание любой пищи было сопряжено с огромными проблемами, очередями и т.п. Прекрасно помню, как выйдя из школы, наблюдала около ближайшего гастронома огромную очередь, растянувшуюся на квартал — «выкинули», как тогда говорили, всего лишь навсего сливочное масло — один из многочисленных предметов дефицита. Поэтому бытовой советской ностальгии я никогда в жизни не понимала и не смогу понять — мой личный опыт к этому совершенно не располагает. Самым привлекательным «туристическим» маршрутом для горожан был однодневный выезд в Москву фирменным поездом «Жигули»: он выезжал вечером и возвращался на следующее утро — таким образом, можно было провести день в Москве, ночуя уже в поезде и не нуждаясь в гостинице. Это был шоп-тур: куйбышевцы, преимущественно, конечно, женского пола ехали в Москву за всеми возможными товарами, но особенно за элементарными продуктами — мясом, колбасой, сосисками, сыром: всего этого в Куйбышеве не продавали. Был даже такой анекдот-загадка про этот поезд: «Длинное, зеленое, колбасой пахнет...» Моя мама, кажется, тоже ездила раз или два, но в целом нам было лучше, потому что были дальние родственники в Москве. Посылок с продуктами они нам не слали, конечно, но можно было периодически ездить в гости, и заодно «затариваться». Возвращение из поездки в Москву, по какой надобности ты бы не ездил, обязательно предполагало возвращение с огромными тяжеленными авоськами...

Вероятно, по этой причине перестройку у нас в городе поддержали потом очень бурно, и первое время мы лидировали по человеко-выходам на митинги...

Был ли город при этом интеллигентным? В какой-то степени был — там было много вузов, был популярный у горожан драмтеатр (хотя среди «продвинутой» части интеллигенции было принято в его адрес брезгливо морщиться — тогда не говорили еще слово «попса», но смысл был именно этот). Был отличнейший киноклуб, в котором я пересмотрела все, что можно, чего никогда не было в прокате — фильмы давали и из посольств, и из Гете-института, и из других

важных источников советской культуры. Но стоит принять во внимание, что в подавляющем большинстве это была именно техническая интеллигенция, и это говорило о многом. Куйбышев был закрытым городом и одним из крупнейших центров советской «оборонки». Это был единственный город, в котором размещался полный цикл авиационного производства: от специального «летнего» металла до двигателей и окончательной сборки. Знаменитую систему «Буран»-«Энергия», отвечавшую за связь с космическими станциями, также делали у нас. Как и сами станции, собственно, равно и космические ракеты... Один образец такой ракеты у нас сейчас поставлен на городском проспекте в качестве музея, очень любопытно.

Соответственно, система подготовки кадров тоже была в первую очередь нацелена на нужды этой самой военно-авиационно-космической промышленности. Ну, и «нефтянки» тоже: в Куйбышевской области (все время пишу сначала «Самара», «самарской» - потом исправляю. Название Куйбышев было всегда очень непопулярно, «нормальные люди» всегда употребляли слово Самара) было и есть несколько нефтеперерабатывающих предприятий и куча институтов, обслуживавших нефтяную промышленность. В одном из них и работала мама. А главным учебным заведением в городе был Авиационный институт, сейчас он называется Аэрокосмический, а в зарубежной прессе его попросту именовали Rocket Colledge. Еще был (и остается) очень крупный медицинский институт, тоже очень престижный – в него сложнее всего было поступить, он считался хорошим, и там были свои научные школы союзного значения....

Таким образом, интеллигенции было много, но в основном это были технари, любители бардовской песни и тому подобных развлечений. И это не были классические «физики» 60-х, потому что все-таки по преимуществу были они не учеными, а инженерами, а это гораздо более ограниченный склад мышления. Думаю, поэтому никаких серьезных культурных феноменов в нашей Самаре в позднесоветские, да и в послесоветские годы так и не возникло, в отличие, например, от Екатеринбурга или Новосибирска. Самым известным такого типа мероприятием в Самаре был так называемый Грушинский фестиваль – не знаю, слышали вы о таком или нет. Это был масштабный фестиваль авторской песни, проходивший недалеко от Самары, на Майстрюковых озерах, туда съезжались участники со всей стороны.

Папа мой к бардовскому движению относился скептически, я же, будучи студенткой, ходила все-таки в университетский Клуб самодеятельной песни – в свое оправдание могу только сказать, что мы там не столько пели, сколько болтали на разные темы, и еще пытались поставить некий спектакль романтического содержания на слова одного из участников. Ключевой фигурой в этом нашем КСП, кстати, был Дима Муратов – ныне пулитцеровский лауреат, создатель и главный редактор «Новой газеты». Так что неплохая была компания, в общем-то.

Киноклуб «Ракурс» был очень важен – кстати, он существует до сих пор. Там не только показывали абсолютно недостижимые фильмы, иногда даже с эротикой, но и читали лекции, проводили обсуждения и т.п. Вот там действительно собирались «лучшие люди», я старалась показов вообще не пропускать, насколько это было возможно. Но это было все-таки больше уже для людей моего поколения.

Еще один любопытный феномен, гораздо более камерный — это «Самарская Beatles-Ассоциация». Это группа граждан, которая с незапамятных позднесоветских времен собиралась в заброшенном помещении на окраине города, и исполняла и слушала исключительно песни Beatles. Здесь интересна протяженность — на «битлятник», как его называли, до сих пор собираются не только седовласые хиппари, но и их взрослые дети, и едва ли не внуки. В постсоветские времена они стали устраивать большой открытый концерт в сентябре, уже в центре города — и это очень популярное мероприятие до сих пор. Есть в нем что-то невероятно трогательное... Но в позднесоветские времена это был, конечно, узкий круг хиппи местного разлива и приближенных к ним лиц.

Вот такая примерно была у нас атмосфера...

Давайте теперь прочертим в этом пространстве, явно — не бедном, траекторию Вашей жизни. Как Вам вспоминается школа? Как учились? Ваши одноклассники? Интересы, планы?

Моя школа мне дала достаточно много... Дело в том, что по настоянию как раз отца, меня устроили практически в лучшую школу в городе — это была школа № 11, одна из двух имевшихся тогда в Самаре (Я все-таки буду писать «Самара». Ну, как-то нет этого «Куйбышев» в моем словаре, и никогда особо не было) «английских школ». Она находилась, и по сей день находится, в центре Самары, около центральной площади Куйбышева. Мы жили относительно недалеко, в нескольких кварталах, пока не переехали, я ходила в школу пешком.

Это действительно было очень неплохая школа. Во-первых, конечно, английский язык там преподавали со второго класса, и это дало мне прекрасную языковую базу на всю жизнь (хотя сейчас, увы, не могу сказать, что говорю и пишу по-английски свободно — сказывается редкая практика). Во-вторых, там вообще были хорошие учителя, и довольно требовательные. Для нашего выпуска, например, все старшие классы главным предметом был отнюдь не английский, а вовсе даже физика, причем независимо от того, кто куда собирался поступать. Просто учителем физики был харизматичный молодой педагог, мимо которого никак нельзя было на «стриженной козе проехать» - чтобы получить хотя бы четверку, надо было очень-очень много заниматься. Ему я тоже, в частности, очень благодарна: хотя физику я быстро забыла как страшный сон после окончания школы, он дал нам всем прекрасное представление о том, что значит по-настоящему работать над материалом. И этот навык был потом не менее важен, чем приличный уровень знания английского.

В этой школе, собственно, учились дети практически всей городской элиты: на класс старше, например, дочка ректора университета, и т.п. Это, конечно, влияло на атмосферу в школе, но не скажу, что каким-то особо пагубным образом. Разумеется, было ясно, что есть такие дети, у которых все дороги в жизни открыты, а другим придется побороться, но это воспринималось, скорее, как данность, чем как несправедливость. Учителя в этом отношении соблюдали приличия, и не делали каких-то особых различий между детьми начальства и обычными отпрысками городской интеллигенции, к которым и я относилась. Сами они тоже держались незаносчиво, и популярность того или ребенка в школьном

коллективе определялась все же не статусом его или ее родителей, а почти исключительно личными качествами. Но вот детей из семей рабочего класса в нашей школе не было вообще...

Требования к учебе были достаточно высокими, поэтому многие из школы уходили, особенно в старших классах — это называлась «уйти сделать аттестат», потому что было понимание, что после нашей школы в любой другой оценки будут выше, просто потому, что там будет ниже планка. Так, к примеру, на пике численности в нашем классе было 43 человека, и даже не хватало парт: на географии, например, я сидела за партой втроем, вместе с двумя своими подружками. На момент же окончания в классе оставалось всего 27 человек. Такой был отсев...

Училась я неплохо, но надо признать, без особого энтузиазма. Меня угнетал сам дисциплинарный порядок школы, не то, чтобы очень строгий, но все же регламентировавший большую часть жизни. И на дом задавали немало... До пятого класса я была круглой отличницей, а потом моя семья переехала на новую квартиру. Мне было 11,5 лет, и там у меня появилась со временем уже подростковая компания, какие-то интересы помимо учебы... В общем, я ощутимо съехала, и большинство оценок были уже четверки (правда, ниже этой оценки я опускаться все же считала для себя недопустимым). Надо сказать, что тогда, как и сейчас, я, в общем-то, была лишена амбиций, связанных с формальным признанием — быть отличницей не было для меня ценностью, я больше руководствовалась соображениями «интересно — неинтересно». Потом появился своего рода «минималистский прагматизм»: получить золотую медаль все-таки было довольно сложно, для этого надо было иметь все отличные оценки уже в девятом классе, предшествующем выпускному. Следующей ступенью, важной для поступления в вуз, был так называемый «5-балльный аттестат»: если вы помните, тогда система была такая, что при поступлении к оценкам, полученным на экзаменах, прибавлялся средний балл аттестата. Для того чтобы он округлялся до пятерки, можно было иметь в аттестате не более четырех четверок. Я в итоге закончила с двумя.

Класс наш был не особенно дружный. У меня была одна близкая подруга (было две, но вторая ушла после восьмого), и один приятель, с остальными одноклассниками отношения были хорошие, но не близкие. Я тогда увлекалась художественной самодеятельностью, в частности, мы с подругой целиком написали сценарий капустника по поводу последнего звонка: в нашей школе это был очень важный акт, практически визитная карточка класса, по которой его потом будут вспоминать. После выпускного вечера у меня как-то не было, тем не менее, особой мотивации общаться с одноклассниками, кроме нескольких близких друзей, и еще тех, кто потом тоже учился в университете, и с кем мы пересекались в любом случае. На вечера встречи я ни разу не ходила, хотя вспоминаю своих одноклассников, в общем-то, тепло. Но очень редко...

Выбор будущей профессии, т.е. для начала, образовательной институции дался мне очень нелегко. Интересно, кстати, что я делала его полностью сама, с родителями не советовалась вовсе, и они относились к этому как к чему-то совершенно естественному: мне жить. Я очень любила животных всю жизнь, поэтому в средних классах у меня возникали мысли сначала о ветеринарии (но

такое образование было сложно получить, точнее, оно было ориентировано на лечение разных сельхозживотных, что, по понятным причинам, как-то меня не очень привлекало), потом о биологическом факультете.

В восьмом классе мы с подружкой, разделявшей мои вкусы и стремления, вместе записались в вечернюю биологическую школу при университете, и где-то год я туда ходила раз или два в неделю. Но потом я почувствовала, что гуманитарные предметы мне все-таки ближе, хотя и с биологией все получалось неплохо — я занимала призовые места на городских и районных олимпиадах, и все такое.

Дальше начались мучительные раздумья о том, к какой именно гуманитарной дисциплине мне прислониться. Социологию как таковую я при этом не рассматривала, потому что формального социологического образования в стране тогда еще не было. Я прикидывала насчет философского, но в Самаре такого факультета не было, а ехать в другой город я как-то не решалась: считала, что если ехать, то уж в какой-нибудь супер-вуз, в Москву или в Питер, а в такие места поступить нереально даже и с медалью. У меня же и медали-то не было.

Далее, я решала «от противного». Надо сказать, что у меня уже тогда явно проявлялась одна гадкая черта, которую я с тех пор пронесла через всю жизнь: я терпеть не могу преподавать. Ясно было при этом, что избежать этого наказания полностью с гуманитарной специальностью невозможно, оставалось придумать, как бы это минимизировать, и хотя бы в будущем попасть в вуз, а не в школу. Преподавание в школе, даже временное, как вариант карьеры мне казалось полным адом, чем-то таким, чего любой ценой надо было попытаться избежать. И это была серьезная тема, потому что тогда же было распределение, и подавляющее большинство гуманитарных (да и не только) выпускников даже университета насильственно направлялись в сельские школы, где надо было отработать целых три года! Я уже в школе была в курсе этой системы и учитывала ее в своих планах. Таким образом, после долгих сомнений, я решила, что исторический факультет все же в этом смысле перспективнее, чем любая филология — просто потому, что для историков мест в вузах было гораздо больше, пусть на противных общественных кафедрах, но все-таки не в школе!

Ну, и потом — было у меня и знание о том, что есть ведь на свете такие социологические лаборатории, где люди вообще нигде не преподают! Эта мысль казалась мне очень занятной, но все-таки главным мотивом выбора исторического факультета была любовь к истории как таковой. В старших классах я очень увлекалась декабристами, собирала про них разные материалы, читала соответствующие книги. Здесь на меня сильно повлиял Натан Эйдельман, блестящий популяризатор истории. В общем, я решила, что хочу заниматься чем-нибудь таким... Наукой, во всяком случае, точно наукой.

Был у меня, правда, в школе еще такой сюжет. У нас при школе было что-то вроде любительской киностудии, и ее руководитель неплохо владел камерой, снимая разные документальные сюжеты из самарской жизни. В какой-то момент я стала с ним сотрудничать: не то, чтобы я писала прямо уж сценарии — он, скорее, сам решал, что нужно снять, а я писала сопроводительный закадровый текст. Эта наша деятельность оказалось успешной, опять-таки, наш фильм победил на каком-то там конкурсе, меня по этому поводу пригласили выступить на местное телевидение. А потом даже предлагали от Самарской студии кинохроники целевое направление во ВГИК, на отделение кинодокументалистики. Наверное,

это был хороший вариант, и соблазн был велик... Но придирчиво к себе приглядевшись, я решила, что настоящего таланта у меня все же нет, а режиссеру, хоть и документалисту, следует быть великим. Невеликие режиссеры работали как раз на самарской кинохронике и снимали журналы, которые показывали тогда перед сеансами кино насильно — хлеба там колосились, комбайны ездили, станки гудели. Это было невероятное убожество, снимать такое я не хотела. А что все может быть и по-другому, как-то мне никто тогда не объяснил — не знаю уж, к добру или к худу. Потом неигровое кино еще периодически возникало в моей жизни в качестве сквозного сюжета, но как творческий деятель я не состоялась... И стала готовиться к экзаменам на исторический факультет университет, тем более, что туда тоже было поступить очень и очень трудно.

Вы поступили с первого захода? Не разочаровались в истории как предмете? Какие направления, области истории Вам были наиболее интересны? Как в целом протекала студенческая жизнь?

С поступлением все получилось в итоге не особенно удачно: я не добрала полбалла до проходного. Это было очень обидно, тем более что из нашего класса в итоге на этот факультет поступало четыре человека, и все, кроме меня прошли. Все они учились хуже меня, причем я хорошо знала их сильные и слабые места, и все они были из высокопоставленных, элитных семей, что, несомненно, сыграло свою роль. Одна из них сдавала экзамен по литературе за несколько человек передо мной, и я слышала ее ответ, который прервали предложением так на пятом, поставив отличную оценку. Я же именно за этот экзамен получила трояк, что было довольно смешно, потому что за всю предыдущую жизнь я никогда не получала по литературе вообще никаких отметок, кроме пятерок. Короче говоря, это был такой небольшой, но наглядный урок *real life* — впрочем, в том, что она устроена именно так, я к этому возрасту уже не сомневалась. Это был очень болезненный опыт, хотя сейчас я довольна тем, что жизнь сложилась так, как сложилась.

Поскольку не хватало всего полбалла, некоторое время я была в «подвешенном состоянии»: якобы существовала вероятность, что меня возьмут кандидатом, был тогда такой статус, мало отличавшийся от собственно студенческого — по итогам первой сессии кандидатов обычно зачисляли. И в этой связи в приемной комиссии мне предложили переложить документы на заочное отделение — как бы просто для того, чтобы они были под рукой. В итоге получилось, что кандидатом, опять-таки, взяли другую девушку (про которую мне в приемной комиссии многозначительно сказали, что у нее во время экзаменов родители погибли в автомобильной катастрофе — я ужаснулась и сказала «конечно-конечно», впрочем, как потом выяснилось, это тоже было неправдой), а меня зачислили на заочное, потому что для заочного отделения этот балл был проходной. Я была в растерянности, потому что ни на каком заочном учиться не собиралась, и возможность такую не рассматривала.

Но тут мне посоветовали сходить на прием к ректору. Его фамилия была Рябов, и это был очень влиятельный в городе человек, много сделавший для университета — вскоре после этого он переехал в Москву и стал ректором Академии госуправления. Он был со мной приветлив, но сказал странную фразу — «в этот год мы старались брать побольше мальчиков» — типа, в этом все и дело. Я, кстати,

тогда восприняла это не как вопиющую гендерную дискриминацию, а как некую объективную политическую реальность — ну что ж, раз мальчиков, тогда, конечно, о чем разговор. Но далее он мне сказал, что я смогу перевестись с заочного на дневное уже на первом курсе — типа, это не проблема, а пока поучись так... Что ж, я решила, что так и придется сделать.

Надо было устраиваться на работу — таковы были правила обучения на заочном (вечернего отделения на этом факультете не было), мне нужно было принести справку с работы. Я устроилась лаборанткой в Политехнический институт, где работал отец — но не к нему на кафедру, и даже не поблизости, а в лабораторию химии и физики полимеров. Просто там была вакансия, о которой я знала от отца... И год я проработала химиком, помогая проводить лабораторные работы. Это было довольно занятно, я дружила со студентами, но в целом, конечно, это было случайное место для меня. Единственным смыслом моего пребывания там оказалось то, что там я встретила одну свою близкую подругу, с которой дружу до сих пор.

Параллельно я училась на заочном — это было не так просто, особенно тяжело было готовиться к экзаменам, которые в сессию шли буквально через день, так что спать вообще не получалось. Я с первой же сессии, после всего пережитого, стала круглой отличницей, и за все шесть лет обучения никаких оценок, кроме отличных, в моей зачетке никогда не было. После первой сессии, тем не менее, перевестись на дневное отделение было нельзя — просто не переводили посреди курса, надо было ждать конца учебного года. Но к этому времени мое настроение уже изменилось.

Познакомившись с порядками на факультете и вообще в научной исторической жизни — этому способствовали романтические отношения, которые у меня возникли с одним из молодых преподавателей университета, который и разъяснил мне, что там к чему — я пришла к выводу, что ничего мне там на этом дневном отделении не светит. Дойду до выпускного курса, и при распределении повторится та же самая картина, что и при поступлении — будет одно или два места на курс в вузы города, и я даже сейчас уже понимаю, кто их займет, независимо от успехов в учебе. Для меня же будет высокий риск пресловутого распределения в сельскую школу, либо надо кровь из носу выходить замуж к последнему курсу — а мне не очень-то хотелось так это все взаимообуславливать... Ну, и самое главное, что я успела понять, что история — это архивы, а все интересные архивы находятся в Москве, это предполагает московскую аспирантуру, куда поступить из провинции вообще нереально, там конкурс своих родных московских выпускников, ну, и вообще...

В Самаре же можно заниматься изучением колонизации Среднего Поволжья, это еще самый пристойный сюжет, а то и развитием местной промышленности в той или иной пятилетке. Сейчас я понимаю, что мой тогдашний бойфренд несколько сгущал краски, но таков уж был его взгляд на жизнь — мрачноватый и довольно циничный. Это способствовало тому, что мы быстро расстались, но вот нарисованная им картина научно-административной жизни показалась мне довольно правдоподобной.

И вот тогда я уже более решительно обратила внимание на социологию. Долго колебалась все же после летней сессии, переводиться на дневное или нет, и ректор призывал писать соответствующее заявление, но тут освободилось место

лаборантки в лаборатории Тукумцева. И я решила, что это знак свыше — пойду туда работать, научусь всему с самых элементарных, технических вещей, как ремеслу, и стану в итоге социологом, раз с историей все так сложно. И останусь на заочном, и не будет у меня никакого распределения.

Так я и сделала, так что особой студенческой жизни у меня не было — это роскошь не для заочников. История мне все равно очень нравилась, и училась я с удовольствием — точнее, училась бы с удовольствием, если бы не надо было это совмещать с full-time работой.

Я много печатала на машинке, потом появились более содержательные задания...Продолжала быть упорной отличницей, так что, когда пришло время выбирать кафедру для специализации, случился даже небольшой конфликт — я хотела пойти на свою родную кафедру, увы, носившую infamous name — как это по-русски? - научного коммунизма, при которой была лаборатория, а на меня как на дипломницу при этом претендовало еще целых два профессора-историка, так что пришлось немножко отбиваться. Но в итоге я настояла на своем, и дипломную работу писала по социологии (под маркой научного коммунизма). Называлась она, как сейчас помню, «Профессиональная направленность студентов университета» - у нас было исследование на эту тему, я имела доступ к данным. С этим дипломом была такая история, что по его мотивам я написала работу на конкурс студенческих научных работ, и пройдя ряд уровней, эта работа в итоге получила первое место аж на Всесоюзном конкурсе студенческих работ по общественным наукам — впрочем, там почему-то было не одно первое место, а несколько, штук 5, что ли... Все равно, это было, конечно, достижение — видимо, к социологии там еще не привыкли, и работа с эмпирическим материалом кому-то показалась «свежей волной». У меня там, тем более, на количественном анализе доказывалось, что чем дольше студенты учатся, тем меньше понимают, чем они будут заниматься — это был, по тем временам, нетривиальный вывод.

Не было бы счастья... получается, что на момент окончания университета у Вас был «красный» диплом историка и солидный тренинг в области прикладной социологии. Очень хорошее сочетание. Вы продолжали работу в социологической лаборатории? Искали возможности для поступления в аспирантуру? Возможно, открылись еще и другие перспективы...

В том-то и дело, что открылись... Конечно, я очень хотела поступить в аспирантуру, но сразу после окончания университета мне никто ничего такого на родной кафедре не предложил: возможно, там просто было не мест. В те годы, хотя начиналась уже перестройка (я закончила вуз в 1987 году), аспирантура еще считалась труднодостижимой возможностью для избранных... Были еще какие-то правила, которых я уже сейчас не помню, согласно которым сразу после вуза поступать не поощрялось, надо было отработать два года. Поэтому все, что я могла бы сделать после выпуска, это перейти с должности лаборанта на должность... инженера! Такое уж было штатное расписание в Научно-исследовательском секторе, независимо от специальности: между лаборантом и младшим научным сотрудником, для которого еще надо было дослужиться,

была некая промежуточная должность под названием «инженер», это была как бы следующая закономерная ступенька. Но к этому моменту у меня стали возникать определенные сомнения по поводу того, стоит ли мне оставаться в лаборатории...

У меня было понимание того, что не очень-то хорошо оставаться работать там же, где учился: будет очень сильная инерция несерьезного восприятия тебя как «вечной школьницы». А мне уже хотелось быть взрослой... Плюс у меня случился, что называется, на ровном месте конфликт с моей научной руководительницей, которая работала в той же лаборатории. Перед защитой диплома я попросила ее подписать рекомендацию в аспирантуру для меня и моего однокурсника, который тоже писал диплом по социологии, у нее же. В общем-то, это была совсем никого ни к чему не обязывающая бумажка: просто ее зачитывали на защите в качестве некоего доброго пожелания, никаких прав на поступление она сама по себе не давала, но считалось, что лучше ее иметь, чем не иметь. Кажется, это как раз было связано с гипотетической возможностью поступать в аспирантуру сразу после вуза, но я сейчас не уверена... Моей научной руководительнице, тем не менее, показалось, видимо, что это очень важный документ, и то, что я сама об этом прошу — да еще и не только за себя, а за своего приятеля! — очень нескромный и даже нахальный жест. Что она мне и высказала... Мне было очень обидно, и ее реакция по сей день кажется мне неадекватной. Мы помирились потом, но, что называется, осадок остался... И это повлияло на мое общее ощущение атмосферы в лаборатории, хотя, в общем-то, это был совсем нетипичный случай, скорее, недоразумение.

Не то, чтобы я стала после этого искать другую работу, но вышло так, что мне ее предложили... Одна из сотрудниц лаборатории в качестве личного side-проект консультировала работников одного учреждения, которое называлось, насколько я помню, Научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительской работы. Это было автономная организация при Управлении культуры, и, в соответствии с тогдашней модой, там был создан отдел социологии — с нуля, без опыта работы и сотрудников. И там была вакансия с гордым названием «старший научный сотрудник» - конечно, она только по названию соответствовала академической табели о рангах, потому что сама контора была ни разу не научной, но зарплату там сразу предлагали вполне приличную. Цифры я даже примерно помню, чтобы было понятно: как лаборант, я получала сто рублей. Как инженер, кажется, могла претендовать на 120-140, что-то в этом роде... Там мне сразу предложили 160. Моя старшая коллега, в частности, помогала им в подборе сотрудников, и рекомендовала меня на эту позицию. Побеседовав с директором, я выяснила, что они мне также охотно готовы дать через положенные по правилам два года рекомендацию в аспирантуру при своем профильном НИИ культурологии, социологическая специальность там есть... И я приняла это предложение.

Конечно, это была полная авантюра. Предполагаемый отдел социологии должен был состоять из трех человек: начальника, старшего и младшего научных сотрудников. Начальником там состояла приятная молодая женщина в последнем градусе беременности. Таким образом, мне предстояло для начала возглавить это мощное научное подразделение на время ее декретного отпуска... из которого, скажу сразу, она так никогда и не вернулась, родив сразу и второго ребеночка и утратив постепенно связь с бывшим местом работы. Но я, тем не

менее, решила двигаться вперед, наняла себе по рекомендации единственного своего подчиненного — приятного молодого человека с того же факультета, но на курс старше, только что вернувшегося из армии, и бодро вступила в один из самых странных и увлекательных периодов своей жизни. Меня укрепляла мысль, что проблемы культуры меня всегда очень интересовали...

В итоге я обнаружила себя в очень странной организации. В обязанности ее, в общем-то, входила методическая поддержка сельских клубов — именно сельских, потому что городские принадлежали не управлению культуры, а различным отраслевым профсоюзам. Но в то время, когда я туда пришла, во всю уже разворачивалась перестройка, и это гипотетически означало поиск каких-то новых форм работы — не только с клубами, но и вообще в области культуры, досуга, развлечений... На мой взгляд внешнего по отношению к этой системе человека, особого смысла в существовании этой структуры не было вообще. После первых пары месяцев работы у меня возникло даже желание попроситься обратно в университетскую лабораторию, потому что для меня, пришедшей из мира науки, стало очевидным, что тут никакой наукой и не пахло... Помню, что я как раз встретила в эти дни на какой-то конференции с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, и подумала, не стоит ли ему сказать прямо сейчас о своем желании вернуться обратно — я ведь уходила мирно, без всяких конфликтов, оставшись со всеми в хороших отношениях. Но как-то не стала, а потом и желание такое прошло...

Я вдруг ощутила, что как бы попала из мира необходимости в мир свободы. Всю предыдущую жизнь я существовала в довольно жестких рамках: в школе надо было много заниматься и думать о поступлении в вуз, в вузе готовиться к сессиям и писать эссе, на работе не опаздывать, сидеть полный рабочий день, делать массу бюрократических вещей, строить отношения со старшими коллегами, и т. д. и т. п. Тут же я впервые в жизни попала в ситуацию, когда я могла ставить себе задачи сама. Никаких идей по поводу того, что должен делать отдел социологии, у руководства не было, их просто создали в каждой области нашей великой страны в бюрократическом порядке. Я предложила неуверенно поизучать, что ли, культурные запросы сельских жителей, эта идея была встречена благосклонно. Сделала некий опросник, организовала поле силами тех же клубных работников, написала отчет. Он, опять-таки, был принят благосклонно, но никого ничем не заинтересовал: работники культуры, а особенно их бюрократическое руководство были вполне самостоятельны, и тоже сами решали, что им делать. Что ж, в этом была своя прелесть... Обстановка в организации была самая что ни на есть либеральная: приходиться на работу можно было во сколько угодно, впрочем, можно было и вовсе не приходиться в какие-то дни, сказав, например, что нужно поработать в библиотеке. Офис, говоря современным языком, был у нас при этом в самом центре старого города, у меня был не то, что бы свой кабинет, но комната, предназначенная для нашего отдела из двух человек. Далее, выяснилось, что помимо традиционных клубных методистов, в конторе этой работают весьма симпатичные молодые люди с творческими наклонностями, рассматривая ее, как своего рода синектуру, убежище от окружающего мира... Именно этим она и была. И я решила, что тут, в спокойной обстановке, я, пожалуй, попробую

заняться своей личной научной карьерой — тем более, что аспирантура была вполне реальной: в положенный срок мне дали направление, я сдала соответствующие экзамены и стала аспиранткой. Но это отдельный сюжет.

Какое-то время я уделяла работе над диссертацией, какое-то — сочинению небольших исследований в области культурной жизни. На фоне остальных работников этой организации я еще выглядела труженицей, потому что на столе у меня вечно лежала стопка анкет, которые я вручную обрабатывала — это ведь была еще докомпьютерная эпоха. Но основное время рабочего дня занимало светское общение с моими новыми друзьями... Благодаря прекрасному расположению и общей свободе нравов, наша контора — точнее, ее отдельные подразделения, особенно мой отдел и редакторский — играла роль своего рода светского салона. К нам беспрерывно заходили какие-то гости, пили чай или кофе, обсуждали новости... В основном это были разного рода богемные персонажи — режиссеры и актеры альтернативных театров, журналисты, литераторы: такой уж круг знакомых был в нашей «культурной среде». Вот тогда у меня и наступила та самая «студенческая жизнь», которой я была лишена в собственно студенческие годы, только все было еще интереснее, потому что мы были уже «взрослыми», и люди нас окружали куда более интересные, чем какие-то там однокурсники. Что мы там только не вытворяли: от делания коллажей до писания пьес, креатив из нас просто пер, если можно так выразиться...

А по ходу происходили разные важные политические события, которые тоже не оставляли нас, конечно, безучастными. Когда случился первый съезд народных депутатов, один из моих коллег принес из дома телевизор, и мы почти беспрерывно смотрели трансляцию, переполняясь эмоциями. Несколько раз отправляли коллективные телеграммы с поддержками или протестами, в зависимости от текущего момента... Там же мы встретили и путч 91-го года. Уже 20 августа мы с коллегой, как революционные матросы, практически отобрали у нашего зам.директора ключ от комнаты с ксероксом и размножили листовки с указом Ельцина, текст которого уже не помню каким образом достали.

Это был очень важный период моей жизни, в который я, видимо, и сформировалась окончательно как личность, с теми ценностями и привычками, которые остались у меня по сей день... Я поняла, что в жизни есть не только наука и не только карьера, а много еще важных и интересных вещей. Тогда у меня вообще возник определенный соблазн уйти из профессии: я очень много читала тогда — мы все много читали, начали ведь публиковать все-все запрещенные тексты. Читалась не только беллетристика, но и публицистика, философские работы, все подряд... Но художественная литература все же была интереснее всего, собственно, так всю жизнь, наверное, для меня и было. Я читала и немало литературоведческих текстов, круг моих друзей в основном состоял из филологов и даже литераторов — уже далеко не только самарских. В какой-то момент моя подруга, доцент филологии, предложила мне написать вместе статью о творчестве Василия Аксенова. Дело в том, что Аксенова очень любил наш тогдашний мэр Олег Сысуев, и по его инициативе проводились в Самаре Аксеновские чтения, на которые приезжал сам Василий Павлович. Мне было интересно попробовать, и мы написали с ней вместе довольно лихой текст под названием

«Эротические мотивы в романе «Ожог» - примерно так наша статья называлась, насколько я помню. Этот доклад и был прочитан пред лицом Василия Павловича, и, кажется, слегка вогнал в его краску.

Далее — уже в 92-м году, в Самаре был создан группой преподавателей-энтузиастов первый негосударственный вуз — Самарская гуманитарная академия. Там был и филологический факультет, куда меня пригласили прочесть курс по современной русской литературе, поскольку специалистов по ней особо не было, а я к тому моменту уже неплохо в ней разбиралась, и была, так сказать, рекомендована. Курс я читала только один семестр, но уже кто-то и специализироваться у меня хотел, короче говоря, от моего перепрофилирования в филологи оставался один шаг... Который я все же решила не делать.

Параллельно я все-таки писала свою диссертацию, ходила на семинары в социологическую лабораторию пединститута, с сотрудниками которой дружила, и мне было жалко оставлять свою науку и окончательно мутировать в квази-богему.

Потом... по поводу своей работы — точнее было бы сказать, своего пребывания в этой конторе, называвшейся аббревиатурой ОНМЦ, у меня стало возникать странное, некомфортное чувство. Я как будто куда-то прыгнула — и зависла в воздухе. Это, безусловно, давало чувство свободы, чувство полета, но... так долго висеть в воздухе было странно, это был уже не полет, а черт знает что, «апофеоз беспочвенности» какой-то — Шестова мы все, конечно, тоже запоем читали, кстати, он единственный остался в итоге у меня от всей этой русской философии серебряного века, в которой я довольно быстро разочаровалась. Я скучала по настоящей работе... Тем не менее, решиться уйти было не просто, но подтолкнули обстоятельства. В начале 90-х нашу организацию, наконец, начало серьезно трясти — вообще странно, что она еще просуществовала так долго в нетронутым виде. И летом 1993-го года наш отдел социологии, наконец, ликвидировали — тоже централизованным решением, насколько я помню. К этому моменту мой симпатичный подчиненный давно уже ушел куда-то в малый кооперативный бизнес, и отдел, собственно, состоял из меня одной. Мне предстояло заново определяться с местом работы.

Ваш ответ удивительным образом дополнил сказанное Вами выше о социальной, политической, культурной атмосфере Самары. И все же, почему Вы окончательно не мутировали в квази-богему? Что здесь означает «квази»?

Ответ очень простой: «квази» здесь означает только то, что богема, по моему глубокому убеждению, имеет смысл тогда, когда, помимо богемного образа жизни, происходит все-таки производство какого-то культурного продукта, желательно — качественного, при всей условности всяких качественных критериев в этой области. Я сама таких амбиций никогда не имела, ну, или покончила с ними в подростковом возрасте, серьезно восприняв правило: «Если можешь не писать — не пиши!» Я определенно могла (хотя в прошлом году мы написали-таки с подругой вместе детектив, но это уже было чистое развлечение). Таким образом, я могла там быть только в «инфраструктуре» - в компании, группе поддержки, интерпретатором и т.п. Это все прекрасно, и это все осталось со мной, но я в какой-то момент поняла, что из этого не стоит делать себе в жизни основное занятие, тем более — профессию, даже если есть возможность в каком-то

таким качестве работать. У меня все-таки было уже за плечами пять лет работы у Тукумцева, пару лет аспирантуры у Батыгина — мне не хотелось все это бросать. Это была моя профессия, мое ремесло, и оно требовало к себе внимания и включения.

Так и не стала я ни литературоведом, ни работником культуры... О чем, конечно, совсем не жалею.

Как то потерялись на фоне этих воспоминаний Ваш факт поступления в аспирантуру и начало работы над диссертацией. Нельзя ли подробнее, с именами, явками...?

В предыдущем фрагменте моей жизни ничего не говорится о моем поступлении в аспирантуру — но это только потому, что это очень отдельный сюжет. Году, кажется, в 1989-м, в конце февраля, я поехала в Москву на конференцию молодых социологов — проводились тогда периодически такие конференции. Собственно, на первую из них я ездила еще в студенческие годы, прошли мои тезисы, чем я была фантастически горда. На следующую тоже прошли, но что-то меня на нее не отпустили с работы — то ли была производственная необходимость какая-то, то ли Будимиру Гвидоновичу, кажется, эти мои тезисы как раз и не понравились (полагаю, вполне обоснованно), и он решил, что нечего фирму позорить — кажется, второй вариант, и я, наоборот, долго плакала... Короче говоря, была такая форма научной жизни, и я, уже работая в своем Методическом центре народного творчества, решила в ней еще раз поучаствовать. Написала, опять-таки, тезисы (вот это, кстати, был единственный, насколько я помню, в моей научной жизни случай, что с помощью папы — я хотела отвязаться от своей темы социологии высшей школы, и мне нужен был совет), они прошли, и я поехала. В те славные позднесоветские времена обычно достаточно было предъявить приглашение на конференцию, и твоя родная организация обычно оплачивала командировочные расходы...

Была уже всю перестройка. Конференция проводилась не просто так, а в Звенигороде, и в форме деловой игры — тогда это было ужасно модно. Из знакомых туда поехал еще мой будущий коллега и бывший однокурсник Сергей Алашеев, а больше я там почти ни с кем не была знакома. Исключение составлял Олег Борисович Божков, который приятельствовал с моим отцом и бывал у нас дома. И когда нам по ходу игры надо было разбиться на группы, он предложил мне присоединиться к своей группе. Я не возражала, тем более, что в деловой игре участвовала впервые. Какие конкретно задачи стояли перед этой группой, я уже не помню, помню, что вся игра в целом была посвящена немного немало методологии социологического исследования (а может, еще и теории — точно не помню, но задача была поставлена очень амбициозная, это уж точно).

Мне еще интересно было, как же игротехники, не будучи специалистами, справятся с такой сложной задачей... Они, собственно, и не справились. Игру проводила, насколько я помню (хотя здесь не уверена), команда известного тогда игротехника Железко, но без самого Железко. Были там какие-то самоуверенные молодые люди, пытались «сбивать стереотипы» и указывать на какие-то логические неувязки, но им трудно было понять суть вопроса, поэтому в основном просто хамили. Это, конечно, как я поняла, был такой игротехнический прием, но не то, чтобы очень действенный. В итоге, дней на третий, игра, рассчитанная

примерно на неделю, забкусовала: игротехники перессорились с участниками, которые тоже за словом в карман не лезли, игру приостановили, и ведущие сбились в кучку в углу большого конференцзала, обсуждая дальнейшую тактику. Перед этим произошел один из наиболее явных конфликтов, когда один из игротехников все пытался то осадить, то вывести из себя некоего молодого кудрявого аспиранта, который делал доклад о работе своей группы. У него никак не получалось, аспирант отвечал вежливо, но был непробиваем. В итоге игротехник сам запсиховал, бросил микрофон и ушел со словами: «Вот и веди игру сам, раз ты такой умный!» Юноше ничего не оставалось, как принять вызов: он поднял этот микрофон, и сам стал принимать сообщения от групп и модерировать обсуждение. Получилось у него все это, мягко говоря, не хуже... А звали этого симпатичного молодого аспиранта, как сейчас помню, Олег Хархордин.

Надо сказать, что в этой игре, помимо собственно молодых социологов, принимало участие и несколько социологов старшего поколения, таких, как Олег Борисович Божков. Среди них был и Семен Абрамович Клигер, остальных не помню, к сожалению. Семена же Абрамовича помню очень хорошо, и на то есть причины...

Как я уже написала, игра стала сбиваться и буксовать, сделалось скучно. Захотелось съездить погулять в Москву. Тут надо признаться, что у меня был к тому личный мотив романтического плана: звал на свидание один симпатичный москвич, тоже коллега, в этой школе не участвовавший. Я, конечно, долго колебалась, не решаясь прогулять, но потом все-таки решила съездить: с игрой уж очень явно не задалось. И вот, на автобусной остановке около нашего дома отдыха, где все происходило, я встретила Семена Абрамовича, которому тоже все это мероприятие надоело, и он возвращался в Москву. Надо сказать, что мы были до этого в одной группе, но практически не общались, а тут разговорились. И вот, пока мы ждали автобуса, потом ехали на автобусе, потом на электричке, а потом еще и на метро, и решила практически моя научная судьба.

Дело в том, что, как выяснилось, Семен Абрамович работал в таком чудесном заведении как НИИ книги. И только услышав это название, я сразу поняла, что это мое. Ведь ничего на свете я не любила так, как книги, плюс в это время, как написала выше, вообще дрейфовала в сторону литературоведения. А тут вдруг я увидела возможность подойти к моей любимой литературе с социологической стороны!

Семен Абрамович к моим исканиям отнесся с пониманием. Сказал, насколько я помню, что в самом НИИ книги социологической аспирантуры нет, но в целом все это можно как-то устроить, с этой тематикой. И предложил связаться с ним в дальнейшем, чтобы узнать насчет возможности аспирантуры. На свидание свое я доехала в совершенно эйфорическом состоянии!

Далее, в положенный срок я отзвонилась Клигеру, и он предложил мне приехать в Москву, потому что есть человек, который, возможно, везет меня в аспирантуру с «книжной» темой (по дороге мы обсудили мои первые туманные идеи о том, что я хотела бы написать), причем он работает зам.директором по науке НИИ культурологии, т.е. моего профильного НИИ, в который мне от моей конторы при управлении культуры охотно дадут необходимое направление.

Я с волнением поехала, уже в апреле. Встретиться мы договорились в районе метро Кропоткинская, и поскольку в кафе ходить тогда было еще не очень-то принято, да и мало их было, сели поговорить... на борту детской песочницы. В этой песочнице я и познакомилась со своим научным руководителем — Геннадием Семеновичем Батыгиным. Как видите, судьба тогда была ко мне более чем милостива...

В нашей исторической для меня встрече в песочнице, помимо Батыгина и Клигера, принимал еще участие Саша Крыштановский. С ним я была немного знакома, потому что он бывал в Самаре, в дружественной мне лаборатории педагогического института (позднее — педагогического университета, почти все вузы в Самаре в ближайшие несколько лет стали или университетами, или академиями).

Геннадий Семенович вскоре уволился из НИИ Культурологии и вернулся в Институт социологии РАН, но это не отменяло возможности вести там аспирантов. Осенью я получила свое направление, и поехала поступать на заочное отделение — жить в Москве мне было бы негде (этот институт неакадемический и общежитий, насколько я помню, не имел), да и не на что. Волновалась страшно, экзамен по специальности сдавала с температурой 38 — бывает у меня такая нервная реакция, все сразу идет на соматику — но сдала все три экзамена на отлично. Там был небольшой конкурс, сейчас уже не помню — три или четыре человека. Остальные, кроме меня, были москвичи, но все сдали хуже, так что чувствовала я себя в итоге уверенно.

Поступила, и поехала теперь уже в Институт социологии, где работал Геннадий Семенович, выбирать себе тему. Помнится, заблудилась и долго не могла его найти, из-за этого сильно опоздала, и опять-таки, нервничала. Тогда ведь не было мобильных телефонов, чтобы предупредить, или просто уточнить дорогу...

Сейчас вот думаю, почему он меня вообще взял — некая общая эрудиция у меня была, но специального образования не было, место работы сомнительное, и в голове полный перестроечный туман... Конечно, никакую тему я не могла сама сформулировать даже приблизительно, что-то лепетала про людей, на которых сильно влияют книги, и задают им важные культурные координаты, практически стратифицируют — ну, не знала я тогда понятия «габитус», даже слова такого не слышала. В итоге Геннадий Семенович минуту посмотрел в потолок, взял пустой лист бумаги и написал на нем: «Влияние социокультурной стратификации на читательские предпочтения». Я радостно выдохнула: «Да!»

Так я стала аспиранткой Батыгина.

И что же Вам удалось раскопать? Похоже, что в конце века все динамично трансформировалось... читательские интересы, социокультурная стратификация, сами механизмы влияния

Тут мне, к сожалению, нечем вам особо порадовать — особых научных прорывов в моей диссертации не было. У меня не было возможностей самой делать поле, ни доступа к каким-то большим проектам, данные которых я могла бы использовать. А качественные методы я стала осваивать чуть позже, когда уже завершала работу над диссертацией, и совсем в другом контексте. Поэтому в основном работа моя была написана на литературе, плюс был у меня там

небольшой эксперимент по поводу восприятия текста и влияния на него разных социально-демографических факторов — буквально нескольких базовых. Одним из них, ясное дело, был пол, по полу возникло значимое различие, которое меня заинтересовало — и эта история имела для меня огромные научные последствия, но не сразу. Деталей я уже, честно говоря, не помню, потому что защитилась в 1994-м, как раз 20 лет назад, и больше к этой теме, увы, напрямую не возвращалась.

Так что диссертация моя была написано гладенько, но в целом, полагаю, это была обычная квалификационная работа. В ней я крутилась вокруг этого чтения со всех сторон — и бестселлеры рассматривала, и сам процесс чтения, и его герменевтику, которая в какой-то момент меня очень зачаровала, но Геннадий Семенович мне в эту сторону не посоветовал ходить, и я послушалась. Работать над ней мне было очень интересно, но чем дальше, тем более сложно, просто потому что приходилось зарабатывать на жизнь и, соответственно, с огромной скоростью крутиться.

Как дальше, уже в новом статусе, складывалась Ваша профессиональная жизнь? В 1994 году я уехал из России и до конца того века фактически был оторван от внутрироссийских событий, тем более — от социологии. Потому, если можно, подробнее... рассказы москвичей и петербуржцев позволяют понять, что делалось в двух столицах, а что в других частях России?

Ну, прежде чем переходить к моей жизни в новом статусе — если имеется в виду кандидатская степень — то надо сначала немного вернуться назад и рассказать о том, как складывалась моя профессиональная деятельность после увольнения из моего методического центра. Как я писала уже, несмотря на прекрасную компанию и все веселье, которое царило у меня по месту основной работы (мы там писали пьесы, делали коллажи, а как-то раз даже взяли пускать бумажные самолетики, один из которых спикировал прямо на лысину нашего директора), я начала со временем скучать по более профессиональной деятельности. Помимо работы над диссертацией, которая шла у меня аккордно, по мере моих выездов в Москву, где я сидела в библиотеках и собирала материал, потому что в Самаре нужные книги приходили только по системе межбиблиотечного абонементов, и приходилось их долго ждать, я не прекращала общения со своими самарскими коллегами.

Помимо моей родной лаборатории Тукумцева, большую роль в моей профессиональной коммуникации имела социологическая лаборатория педагогического института, возглавлявшаяся Ириной Козиной (на каких-то руководящих позициях там был еще один бывший сотрудник Тукумцева Дмитрий Завершинский — я не помню точно, как именно у них распределялись руководящие обязанности с Ириной). Там работало очень много моих знакомых — несколько девушек — бывших заводских социологов, которых я знала по университетской лаборатории, где они часто бывали за консультациями (там ведь еще у нас находился и административный пункт Социологической ассоциации, семинары разные проводились, учеба кадров), тот же самый Завершинский — мой бывший коллега, мой однокурсник Сергей Алашеев, университетский приятель бывший биолог Паша Романов, учившийся с моей подругой... Короче говоря, я хорошо знала практически всех, и это были люди более или менее моего поко-

ления. Мы дружили, я иногда принимала участие в их отдельных проектах. У них всегда было интересно – Дима Завершинский был парнем ярким и активным, умел, что называется, «зажечь» – в данном случае, именно в профессиональном смысле.

Но главное событие, преобразившее жизнь лаборатории, было все же связано не с ним, а именно с Ирой Козиной. Она поехала от института повышать квалификацию в Москву, тогда там были довольно продвинутые социологические курсы при Школе молодежи в Выхино, что-то вроде преобразованной под современные нужды школы комсомольского актива. Сама я там не училась, но, насколько я понимаю, преподавание там было изрядное – к нему привлекались известные социологи, хорошие методисты и иностранные ученые, а вот это было совсем новым и очень важным фактором. Наконец-то молодым провинциальным социологам, составлявшим основной костяк учившихся на этих курсах, открылось окно в широкий мир!

Одним из таких преподавателей был и профессор Уорвикского университета в Великобритании, известный специалист в области трудовых отношений Саймон Кларк, которому предстояло оставить заметный след в жизни и в карьере многих российских социологов – в том числе, и в моей. Саймон имел замысел межрегионального проекта по изучению изменения ситуации на российских индустриальных предприятиях, которые как раз находились в этот момент в острой фазе перестройки. Опорные точки для этого проекта он создал в Москве, Сыктывкаре, Кемерово и моей родной Самаре. Проект был поддержан ESRC. Думаю, что выбор географии проекта был связан как с тем, что его интересовали разнообразные, отличающиеся друг от друга промышленные регионы, так и с тем, какие слушатели на этих курсах показались ему заслуживающими доверия.

Доверие – действительно было главное слово. Саймону принадлежал популярный в наших кругах афоризм, что из хорошего человека, в принципе, обычно можно сделать неплохого социолога, а вот из социолога хорошего человека – гораздо сложнее. До сих пор думаю, что он был совершенно прав.

Так вот, самарская лаборатория стала одной из составных частей довольно известного в то время проекта Кларка, из которого вырос вполне жизнеспособный независимый межрегиональный исследовательский центр ИСИТО – Институт сравнительных исследований трудовых отношений. Возглавил его переехавший в Москву челябинский парень Вадим Борисов. Но это было еще впереди...

А пока что меня привлекли как внешнего совместителя к самой начальной фазе этого проекта. Тогда были забастовки, в России возникало что-то вроде рабочего движения, оно каким-то образом мониторилось и освещалось прессой. По плану проекта предполагались экспертные интервью с журналистами, освещавшими эти события, в том числе и телевизионными. В мой круг общения входила масса самых разнообразных журналистов, поэтому мне и предложили их сделать. Я сделала эти интервью, еще работая в своем ОНМЦ, и, что называется, погрузилась в тему. Каждую неделю мы встречались, обсуждали результаты работы, все было очень интересно. Поэтому, когда надо было уже идти в поле непосредственно на промышленные предприятия, я не выпала из коллектива, а тоже отправилась на какое-то предприятие. Тем более, что опыт

работы на предприятиях у меня тоже был, ведь в лаборатории Тукумцева тоже большинство исследований было на заводах. Так я стала полноправным членом проекта Кларка, сначала не расставаясь со своей конторой, а потом, тем более — после увольнения.

Некоторая сложность моего положения была в том, что ставок в самой лаборатории не было, но деньги за проект тогда по-простому платили налом, в конверте, и не нужна была для этого никакая аффилиция. В проекте тогда работал некоторое время еще один приятель Завершинского — молодой социолог Игорь Мансуров, у которого параллельно был свой маленький бизнес по продаже игрушек. Он предложил мне пристроить мою трудовую книжку, я согласилась...

С тех пор я попала в зону серой, прекрасной занятости, которую так никогда и не покинула... Потому что в Институте социологии я работаю тоже только на полставки, трудовая у меня лежит, после пары перемещений, просто в ящике стола. Не то, чтобы я этому была рада — ни тогда, ни теперь — но такая уж была моя планида.

Таким образом, защищалась я уже будучи в странной формальной позиции научного сотрудника фирмы «Евгения» - но по тем временам это была не редкость. На самом же деле я основательно работала в проекте Кларка. Основательно — значит день и ночь, работы было очень много, к тому же мы все никогда не отказывались ни от каких других подработок — ни от политических исследований, ни от маркетинга, ни от чего... Надо было зарабатывать на жизнь, и это получалось.

Как сейчас помню, моя первая зарплата в проекте была 30 долларов, это в месяц. Но по тогдашним ценам и тогдашнему курсу это были нормальные деньги. Если подработать где-нибудь еще, а мы все, повторюсь, делали это постоянно, то можно было и откладывать «на черный день». Запросы, впрочем, у нас у всех тоже были тогда более чем скромные...

И это было, несомненно, самое счастливое время в моей профессиональной жизни. У нас была потрясающая команда, куча азарта и профессионального любопытства. Мы «с колес» осваивали качественные методы и много чего еще.

Правда, было очень трудно заканчивать диссертацию, потому что ее тема была уже никак не связана с теми сюжетами, с которыми я с увлечением имела дело на работе. Я не успевала, хотела было даже бросить, но благодаря огромному такту и коммуникативному таланту Геннадия Семеновича Батыгина, моего любимого и незабвенного шефа, я этого не сделала: поняла, что просто уважать себя не буду. Думала, где бы достать это время — поняла, что единственный резерв: перестать читать газеты и смотреть телевизор. Так с тех пор и не смотрю.

Вот на таком жизненном фоне я и защитилась.

Свой ответ на мой последний вопрос Вы начали словами: «Прежде чем переходить к моей жизни в новом статусе...». Ясно, все пульсировало... но, теперь вернемся к моему вопросу: «Как уже в новом статусе, складывалась Ваша профессиональная жизнь?»

В данном случае, ответ будет довольно коротким. Я бы сказала, статус никак особенно не повлиял, потому что я работала не в учреждении с иерархической структурой, а в независимом исследовательском центре. В принципе, это, конечно, было хорошо для моей репутации, потому что к тому моменту уче-

ную степень имели только наши московские коллеги, а в Самаре, Сыктывкаре и Кемерово таких еще не было (кроме, конечно, Володи Ильина, который был уже ученым с репутацией), следующей после меня где-то через год или два защитилась Ирина Козина. Но все это не было важно, потому что в нашем ИСИТО царил свой собственный гамбургский счет, и это было важнее — мы сами знали, кто есть кто. На возможности продвижения это тоже особо не повлияло, более важно было, что у меня был приличный английский после моей хорошей спецшколы, и хотя после этого я языком долго не занималась — в университете меня освободили от этих занятий, я только на экзамены приходила — этот багаж оказался очень востребован в нашем международном сотрудничестве. А так я, защитившись, продолжала себе спокойно работать в ИСИТО, ничего не изменилось.

То, что Вы рассказали, очень интересно, у меня есть небольшая книжка Б. Тукумцева о Самарской социологии, есть интервью давние интервью с ним, с А.Готлиб, Есть интервью с покойным Павлом Романовым завершаю — с Еленой Ярцевой-Смирновой. Посмотрю, как все соединяется? Есть беседа с Владимиром Ильиным. Что-уже начинает складываться, мозаика, но с интересными фрагментами.

И что, после ИСИТО Москва? Как Вы на это решились? Людей Вы знали, но все же все новое...

Нет, Москва была не после ИСИТО. Собственно, ИСИТО представлял собой сеть независимых исследовательских центров, к первым четверем (Москва, Самара, Сыктывкар, Кемерово), потом прибавились еще Пермь, Ульяновск и Екатеринбург — правда, не везде, как я понимаю, возникала юридическая структура, иногда это было просто несколько сотрудничающих с нами исследователей. В Москве тоже было подразделение ИСИТО, куда я со временем переложила свою трудовую книжку. Но переезд в Москву вовсе не был моей целью, так сложились чисто личные обстоятельства: в Москву перевели работать моего гражданского мужа (который был вообще-то питерский, так что изначально я собиралась перебираться в Питер, и даже прожила там несколько месяцев). Квартиру в Москве мы приобрели в 1998 году, до этого некоторое время снимали. Но переезд мой происходил очень постепенно: очень долго я моталась между Москвой и Самарой — в Самаре делала поля и встречалась с коллегами, писала отчеты и статьи в Москве. Но постепенно поле работы в Самаре сужалось: инициированных Саймоном Кларком проектов стало меньше, потом они постепенно закончились. Потом, по разным причинам, самарское отделение покинуло большинство основных сотрудников: Ирина Козина, руководитель нашего центра, перебралась в Москву, в Вышку, Паша Романов еще раньше, примерно одновременно со мной — в Саратов, Сергей Алашеев создал свою отдельную исследовательскую структуру. Так что постепенно мое участие в проектах именно самарского ИСИТО сошло на нет, как и сами проекты. Но я по-прежнему являюсь вице-директором Самарского гендерного центра — это маленькая НГО, занимающаяся просветительскими проектами, вот только две недели назад мы ее силами проводили в Самаре летнюю школу. Что касается

ИСИТО как целостной структуры, то оно прекратило свое организационное существование только в прошлом году, а этой осенью мы собираемся провести свою последнюю встречу, в память о нашем замечательном проекте...

После защиты Вами диссертации прошло 20 лет, в Москве Вы живете и работаете полтора десятилетия или дольше. Где и по каким исследовательским направлениям Вы работали в течение этого времени?

Это отдельная большая тема. Как я написала уже, для моего рода деятельности вечного фриланса не так важен был город, как проекты. Поэтому вопрос «где» для меня на такой ключевой. Тем не менее, с 2008 года я работаю на полставки в Институте социологии РАН, в секторе исследований социальных трансформаций качественными методами. Руководит этим сектором Виктория Семенова, он, по-моему, самый маленький в институте. Обстановка у нас там замечательная, творческая, много молодежи. Профиль исследований довольно широкий, но последнее время в качестве основной темы проектов фигурирует историческая память, социальная память и тому подобные сюжеты – это если вкратце.

Но вообще-то говоря, главной сферой моей социологической экспертизы являются гендерные исследования, процентов 70 написанных мной текстов, моя научная репутация в основном связаны с этой сферой. Какой-то интерес в этом направлении у меня возник еще во время работы над диссертацией, но Геннадий Семенович это не очень приветствовал – да в тот момент это и было не нужно. Но все же зацепило...

И поэтому, уже в проекте Кларка, я с удовольствием взялась на эту тему по его предложению: надо было, чтобы кто-нибудь исследовал эти аспекты трудовых отношений, а больше никто не хотел... Первая же моя статья на эту тему была опубликована в английском сборнике, и вообще тема, что называется, «пошла»... Работать над ней мне всегда было очень интересно.

Потом, в 1995 г. я попала в программу TEMPUS-TACIS в качестве разработчика авторского курса лекций по гендерной социологии. Тогда таких курсов было всего несколько по всей России, гендерные исследователи знали друг друга наперечет – впрочем, это и сейчас во многом так. Потом, около семи лет я читала этот курс в Центре социологического и политологического образования при Институте социологии – это были такие курсы переподготовки социологов, куда приезжали люди со всей страны. Потом еще семь лет читала примерно такой же курс в Казани на аналогичных курсах, потом – снова в Москве. Провела с десяток, наверное, летних школ. Участвовала в куче разных исследовательских проектов, в том числе международных, в основном с английскими коллегами – так уж сложились наши партнерские отношения.

Последние несколько лет я много занималась разными просветительскими проектами, поскольку гендерные исследования – это по определению публичная социология. Была редактором обоих выпусков довольно популярного сборника «Гендер для чайников». Мой курс лекций, кстати, тоже был опубликован, и, в общем-то, до сегодняшнего дня пользуется популярностью у студентов.

Все мои проекты и начинания за 20 лет было бы долго перечислять, но в общем и целом, большинство из них происходили в этой предметной области.

Я понимаю, что наработано много, тема – очень актуальная и проблемная. Не предполагаете ли Вы все как-то собрать и обобщить в виде докторской диссертации?

Конечно, я думала о докторской диссертации, и думала серьезно. Но на сегодняшний день все же не чувствую достаточной заинтересованности в таком масштабном проекте... Дело в том, что докторская все-таки очень важна для людей, которые работают в каких-то формальных структурах, прежде всего, университетах. Но я уже очень много лет как фриланс, привыкла к этому, и идти в структуру мне не очень-то хочется: очень ценю свободу. К тому же не хотелось бы много преподавать... С другой стороны, у меня все-таки есть какая-то профессиональная репутация, которая позволяет коллегам воспринимать меня как специалиста и без докторской степени. В той традиции, в которой я воспитывалась — в той же самой лаборатории Тукумцева, например, а она, в свою очередь, соотносила себя с ленинградской социологической школой, была такая точка зрения, что степень — дело формальное, главное — тексты, «гамбургский счет». Я эту мысль усвоила, и по сей день она кажется мне верной.

С другой стороны, процессы, происходящие сейчас в российских гуманитарных науках, и в социологии, в частности, честно говоря, вызывают у меня в основном разочарование. Очень мало интересных проектов, поле возможностей сокращается чуть ли ни с каждым месяцем. Соответственно, за самим по себе институтом ученой степени уже давно мало что стоит... Писать же докторскую «для себя» не вижу смысла, как я уже писала — я не очень амбициозный человек. Может быть, напишу книжку, но пока мне вполне хватает моих повседневных проектов, над которыми я работаю.

Ира, в создаваемой мною типологии советских/российских социологов к пятому поколению относятся те, кто родился в период 1959-1970 годов. К нему относитесь Вы, Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова, Анна Темкина, Людмила Григорьева из Красноярска и еще (пока) несколько социологов. Те, кто родился в первой половине указанного временного интервала, наверняка входили в социологию еще в советский период нашей истории. С другой стороны, даже те, кто получил социологическое образование, хотя в моей коллекции интервью таких еще нет, работали в советской социологии крайне недолго. Тематика исследований представителей Вашего поколения — принципиально инновативна, в советские годы социологи лишь робко занимались (или вообще не занимались) менеджериализмом, гендером, феминизмом, детьми-инвалидами, малочисленными религиозными образованиями. В области методологии вы принципиально свободнее, чем в советские времена, когда все должны были клясться в приверженности к марксизму. Использование феноменологических методов не поощрялось. Обучение на Западе, подготовка Ph.D. — казались невозможными... фактически это все первым осваивало ваше поколение. Тогда мой вопрос: «В какой мере, как Вы думаете, Ваше поколение продолжает работы советских социологов?»

Хороший вопрос... Мне кажется, что в очень небольшой степени. Для нас выход российской социологии в поле глобальной научной коммуникации совпало с первыми (или, условно говоря, «вторыми-третьими») самостоятельными шагами в профессии. Открывшиеся возможности буквально ослепляли: те же самые гендерные исследования, качественные методы, международные сравнения, новые критерии профессионализма... Не могу, конечно, брать ответ-

ственность за поколение, но мне кажется, что большинство из нас видело себя, в первую очередь, не продолжателей советской традиции, а первым поколением российских социологов, ориентирующихся на международную академию.

Были, однако, вещи, всеми уважавшиеся и оставшиеся классикой. Это, прежде всего, все что связано с работами Владимира Александровича Ядова, Геннадия Семеновича Батыгина, для специалистов по гендерным исследованиям — Игоря Семеновича Кона, которого я считаю одним из своих учителей. Это — более или менее общепринятые авторитеты, на которых принято ссылаться. Все они при этом стали, как только получили такую возможность, достаточно international.

Работы Ядова по подготовке и организации социологического исследования и сейчас активно рекомендуют студентам — я, например, рекомендую, наряду с каким-нибудь учебником Гидденса.

Но вообще, стремление ориентироваться на последние тренды в мировой социологии, видимо, приводило к тому, что какие-то наработки отечественной советской социологии незаслуженно выпадали из фокуса внимания. Меня, в частности, слегка покритиковали на защите за то, что у меня очень мало ссылок на отечественные работы...

Да, Ира, похоже, Вы правы... я в некоторых моих статьях уже высказывал гипотезу о новом разрыве в процессе развития российской/советской/российской социологии. Я это делал на основе «объективного» анализа, Вы мне дали свое понимание... буду дальше эту концепцию проверять. Может что хотите все же добавить оптимистическое?

Честно говоря, добавлять оптимистическое очень сложно, не то у меня настроение, и реалии не располагают. Но все же попытаюсь.

Так или иначе, советская социология зародила очень хорошую, крепкую профессиональную базу, которая позволила состояться социологам моего поколения — даже если в нашей работе мы выбирали потом другие ориентиры. И, конечно, важные, знаковые для нее фигуры далеко не сводятся к тем трем ученым, которых я перечислила выше — Ядов, Батыгин, Кон, просто лично мне они приходят в голову в первую очередь, для меня именно они были важными авторитетами — причем не только как авторы интересных, эвристических, глубоких текстов, но и просто как моральные авторитеты, образцы того, какими должны быть настоящие ученые. Всех троих мне, тем более, посчастливилось неплохо знать лично.

Далее, в моем — или приблизительно в моем поколении, плюс-минус — есть прекрасные социологи, которым удалось если не создать полноценные научные школы, но воспитать множество талантливых учеников, которые тоже уже, в свою очередь, успешно проводят исследования, преподают, участвуют в публичных дискуссиях... К таким ученым, которые, на мой взгляд, определяют сейчас «лицо» современной российской социологии, во всяком случае, все живое и профессиональное, что в ней есть, относятся Олег Хархордин, Вадим Волков, Елена Здравомыслова, Анна Темкина, Елена Омельченко, Инна Девятко, и многие еще другие, всех не перечислишь... Это фигуры международного уровня, очень авторитетные, задающие планку.

При их участии и поддержке сложились несколько важных центров качественного социологического образования – Европейский университет в Санкт-Петербурге, социологический факультет Высшей школы экономики (и в Москве, и в Питере), «Шанинка» - Московская высшая школа социальных и экономических наук, и другие, включая отличные региональные школы в Новосибирске и Екатеринбурге. Опять-таки, я совсем-совсем не претендую, что перечислила всех. Вот в нашем Самарском университете расцвел очень неплохой социологический факультет, выпустивший множество талантливых специалистов, в Казани несколько лет работал очень интересный Центр социологии культуры, и много чего еще удалось сделать за тот период, когда была свобода, поддержка фондов, развитая международная коммуникация, серьезная академическая дискуссия.

Сейчас наступили другие времена, работать стало не в пример труднее, часто, что называется, «опускаются руки». Но тем не менее, почти все еще живы, работают, пишут, проводят исследования, все вышеназванные мной центры социологической мысли функционируют...

Тут приходит на память одна притча, которую рассказывал Геннадий Семенович Батыгин – недавно кто-то вспоминал ее в фейсбуке: «Когда подходит конец света, некоторые пускаются во все тяжкие. Другие плачут и молятся. Третьи осыпают врагов проклятиями... Но есть и те, кто продолжает работать. Когда находятся такие, конец света не наступает». Мне очень хочется в это верить...